И.В. Чувилова*

I.V. Chuvilova*

Человек как объект вербального освоения музейного пространства в XVIII – начале XIX века

Person as an Object of Verbal Mastering of the Museum Space in the 18th – Early 19th Century

doi:10.31518/2618-9100-2021-2-6

doi:10.31518/2618-9100-2021-2-6

УДК 069.01

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Чувилова И.В. Человек как объект вербального освоения музейного пространства в XVIII – начале XIX века // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 78–92. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-06.pdf>

Chuvilova I.V. Person as an Object of Verbal Mastering of the Museum Space in the 18th – Early 19th Century // Historical Courier, 2021, No. 2 (16), pp. 78–92. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-06.pdf>

Abstract. In the 18th century, the processes of the formation of the Russian national language took place, which also led to the emergence of special terminology and concepts in the museum sphere, collecting, and the protection of antiquities. The formation of new, special concepts and their evolution in the field of science, culture and art begins either with borrowing, or with strengthening, correlation of the semantic and stylistic tonality of words from the native language. As applied to the museum sphere, borrowings and innovations of various origins have the same starting point as the era of museum work in Russia – the foundation of the St. Petersburg Kunstkamera in 1714 and the Academy of Sciences in 1724. In these years, the systematic work was started to collect and preserve heritage sites, for which it became necessary to master the European experience. Such concepts as “museum”, “collection”, “heritage” appeared in Russian dictionaries and gradually became fixed in everyday life. By the end of the 18th century not only the objects of conservation and collection had been distinguished, but the subjects had been also defined. These were, first of all, people specially trained for professional activity (and profession), specialists in certain areas of interaction with heritage. Secondly, an understanding began to form (which has been constantly transformed over the course of three centuries): what is the museum audience and the museum visitor. The dynamics of changes that make up this dichotomy of concepts – the museum and the audience, have generally coincided, over the course of three hundred years sometimes they coexist absolutely in parallel, sometimes they intersect and close. The terminology reflects these intricate ways, as well as the socio-cultural realities and the context very clearly. In the 19th century, a whole set of definitions appears which indicates not only the gradual democratization of the national museum, but also the beginning of its communication stage.

Keywords: history of museums; terminology; specialization; museum audience; visitors.

The article has been received by the editor on 31.01.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В XVIII в. происходит процесс складывания русского национального языка, что приводит также к появлению специальной терминологии и понятий в сфере музейного дела, коллекционирования, охраны древностей. Формирование новых, специальных понятий и их эволюция в сфере науки, культуры и искусства начинается либо с заимствований, либо с усиления, корреляции смысловой и «стилистической тональности» слов из родного языка. Применительно к музейной сфере заимствования и новации различного генезиса имеют ту

* Чувилова Ирина Валентиновна, кандидат исторических наук, руководитель исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия» (АНО «Новый институт культурологии»), Москва, Россия, e-mail: ivl12@yandex.ru

Chuvilova Irina Valentinovna, Candidate of Historical Sciences, Head of the Research Group “Russian Museum Encyclopedia” (New Institute for Cultural Research), Moscow, Russia, e-mail: ivl12@yandex.ru

же точку отсчета, что и эпоха музейного дела в России – основание Петербургской Кунсткамеры в 1714 и Академии наук в 1724 г. В эти годы начинается планомерная работа по собиранию и сохранению памятников, для чего стало необходимым освоение европейского опыта. В русских словарях появляются, а в повседневной жизни постепенно закрепляются такие понятия, как «музей», «коллекция», «памятник». К концу XVIII в. не только выделяются объекты сохранения и собирательства, но определяются субъекты – специально обученные для профессиональной деятельности (и профессии) люди, специалисты в отдельных сферах взаимодействия с памятниками. Также начинает формироваться понимание (которое постоянно трансформируется на протяжении трех столетий): что есть музейная публика и музейный посетитель. Динамика изменений составляющих эту дихотомию понятий: музей и публика – на протяжении трехсот лет в целом совпадает, иногда они сосуществуют абсолютно параллельно, иногда пересекаются и смыкаются. Терминология эти затейливые пути, а также социокультурные реалии, контекст очень четко отражает. К началу XIX в. возникает целый веер определений, которые свидетельствуют не только о постепенной демократизации отечественного музейного дела, но также о начале его коммуникационного этапа.

Ключевые слова: история музейного дела; терминология; специализация; музейная публика; посетитель.

Как известно, XVIII в. – важный этап в становлении русского языка, который характеризуется процессом «постепенного складывания единой национальной нормы русского словоупотребления на основе формирующегося нового национального литературного языка»¹, и заканчивается в пушкинскую эпоху. При этом, язык XVIII в. «чрезвычайно динамичен: на протяжении века происходят многочисленные перемены в составе словаря (исчезновение старых слов, появление новых слов и значений), **в распределении слов по разным функциональным сферам** (выделено нами. – И. Ч.), в их стилистической тональности»².

Некоторые исследователи считают, что вопрос выбора точки отсчета для исторической лексикологии остается открытым и дискуссионным; предлагается несколько вариантов периодизации развития русской лексики. Согласно одному из них, история становления национального языка соотносится как с развитием русского литературного языка, так и с историей развития культуры и общественной мысли в России; автор выделяет период становления лексики языка Петровской эпохи (конец XVII – начало XVIII в.), лексику периода русского просветительства (60–90-е гг. XVIII в.), лексику пушкинской эпохи (первая четверть XIX в.) и лексику периода демократизации общественной жизни России (по 60-е гг. XIX в.)³.

Действительно, в петровскую эпоху «обогащается тематика текстов, меняются исторические запросы к тексту», возникают начальные формы музейной деятельности, что явилось результатом как предшествующего этапа развития страны, так и деятельности императора Петра I, который инициировал издание первых законодательных актов, направленных на собирание и сохранение отечественных древностей (указы 1717–1724 гг.). Ранние документы, направленные на охрану ряда артефактов, которые сегодня мы бы назвали *памятниками, объектами историко-культурного наследия*, появляются в России в конце XVII в., в царствование Федора Алексеевича⁴. В них речь идет исключительно о сохранении

¹ Предисловие // Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 4.

² Там же.

³ См.: Судаков Г.В. Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке // «Единым письмом употреблению памяти подкрепляется вечность»: сб. науч. тр. памяти З.М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). СПб., 2007. С. 334.

⁴ Сухман Т.П. Предисловие // Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: [Документы]: Хрестоматия. М., 2000. Т. 1: [1680–1949 гг.]. С. 5.

письменных источников – государственных документов, и каких-либо специальных понятий и определений эти тексты, как правило, не содержат. Планомерный разговор об охране всевозможных объектов (*курганов, «развалин»*), о собирании предметов старины (*древностей, старых вещей, старых подписей, древних грамот*) и всего, что «зело старо и необыкновенно»⁵ – в широком культурном контексте начинается с Петровских реформ, когда происходит юридическое оформление этих процессов. Характерен в этом смысле именной указ от 11 июля 1709 г., в котором Петр I велел «**в знак и вечное напоминание** (выделено нами. – И. Ч.) той преславной виктории [победы под Полтавой]... сделать пирамиду каменную со изображением на ней персоны его...»⁶.

Эта выдержка из источника обращает нас к активно используемым сегодня семиотическим подходам, в соответствии с которыми пространство памяти конструируется на основе знаков, его наполняющих, – в данном случае, определенных артефактов (изъятых в особое собрание или пока существующих *in situ* и «выделяемых» в ментальном пространстве). Подробно такой подход применительно к музейной деятельности рассматривается в работах исследователя В.С. Плохотнюка: «Весь комплекс культурных элементов среды, все, что “имеет значение” для коммуникантов – адресанта и адресата, участвует в процессе коммуникации и влияет на смысл сказанного, а, следовательно, все, что учитывается и влияет на смысл, является знаками... По мере изучения памятника, перечень значений может возрастать, и этим будет определяться, помимо прочих качеств, его историко-культурная ценность»⁷ (перевод автора цитируемого текста. – И. Ч.).

Но ведь о том же свидетельствует и лексическая ситуация в целом. По мнению одного из исследователей, в самом начале XVIII в. Россия переживает «информационно-технологический (vs. терминологический) взрыв... В процессах модернизации Петровского времени сферой тотального социального заказа была учебная и научная литература: тексты учебников и учебных пособий, разного рода словари, монографии, научные статьи и переводы в журналах организуют новое пространство языковой жизни, соизмеряемой европейским стандартом и стремящейся быть соразмерной ему... Эта генеральная линия **на модернизацию российского семиотического пространства** (выделено нами. – И. Ч.) является сквозной в языковой политике XVIII в., обретая в Екатерининскую эпоху новые предметные очертания благодаря совокупным усилиям “изящных наук” и “свободных художеств”. Зримым плодом века Просвещения стало создание русского языка образования как творческого источника саморазвития нации»⁸.

На протяжении XVIII в. начинают формироваться первые российские музеи и частные собрания, а также появляются первые определения, попытки вербально маркировать новые явления отечественной культуры. Но на протяжении всего XVIII в. законодательство оперирует прежними понятиями, и только в начинающей появляться специальной научной литературе, в эпистолярных источниках, периодике можно наблюдать зарождение новых, которые постепенно трансформируются к началу XIX в. в особые лексические единицы.

И поскольку в формировании «лексического состава национального литературного языка участвуют различные языковые источники – и народная речь, и разные виды и типы книжности (книги русские, ...переводные, произведения художественной литературы, публицистика, научные книги и учебные, деловые документы, эпистолярное наследие, дневники...)»⁹, то и формирование новых, специальных понятий и их эволюция в сфере

⁵ О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах губернаторам и комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафах за утайку // Охрана культурного наследия России... С. 24.

⁶ О построении близ города Полтава в память о держанной там над шведами победе мужеского Петропавловского монастыря с приделом Сампсона и о сооружении пред церковью памятника // Там же... С. 22.

⁷ Plohotnyuk V., Mitrofanenko L. Semiotic models in museum communication // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. VEDECKÝ RECENZOVANÝ ČASOPIS / Comenius University in Bratislava. 2018. Vol. 6. No. 1. P. 22, 27.

⁸ Лисицына Т.А. Русская языковая картина мира XVIII века и термин с позиций социологии языка и познания // «Единым письмом употреблением памяти подкрепляется вечность»... С. 253.

⁹ Предисловие // Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем... С. 5.

науки, культуры и искусства начинается либо с заимствований, либо с усиления, корреляции смысловой и «стилистической тональности» слов из родного языка. Это – первые упоминания в самых разных источниках: законодательных актах, научных документах (экспедиционных планах и инструкциях, программах исследований), в первых описаниях коллекций (зачастую это кальки с европейских образцов) и первых музейных проектах, в переписке и дневниковых записях. «Эффективность и полезность терминов превращают их в лидеров семантических процессов: терминологизация и детерминологизация становятся стержнем языковых преобразований»¹⁰.

При этом – неизбежно – происходит увеличение иноязычных заимствований и «процесс калькирования», наблюдается значительная «рефлексия просвещенных деятелей на языковые новации времени»¹¹. Только на первый взгляд может показаться, что процесс этот происходил стихийно. «Лингвистическая стратегия интеллектуального и культурного развития нации опирается на организованную систему государственного управления терминологическими потоками... [их регулирование] и даже поштучный контроль за вводимыми терминами на всем протяжении “осмнадцатого столетия” были элементами языковой политики»¹². В Новое время приобретенный страной опыт «языковой жизни» стал воплощением национального самоопределения.

Так, ряд сочинений М.В. Ломоносова 1740–1750-х гг. («О пользе книг церковных в российском языке», «Краткое руководство к риторике», «Краткое руководство к красноречию») содержит концептуальные лингвистические идеи по развитию русского литературного языка, его стилям и жанрам, классификации лексики, **сферам употребления** («в разговорах», «в церковных книгах», «в подлых комедиях» и т.п.), рассудительного, «старательного и осторожного отношения» к иноязычным заимствованиям¹³. В сочинениях самого Ломоносова, посвященных исследованиям артефактов, их описанию и систематизации уже можно заметить формирование нового – научного – жанра в российской словесности¹⁴.

Применительно к музейной сфере заимствования и новации различного генезиса имеют по сути ту же точку отсчета, что и эпоха музейного дела в России – основание Петербургской Кунсткамеры в 1714 г. и Академии наук в 1724 г. В эти годы начинается **планомерная** работа по собиранию и сохранению памятников, для чего стало необходимым освоение европейского опыта. Именно с этой целью был послан в деловую поездку по Европе библиотечарь Академии наук Иоганн-Даниил Шумахер. Он привез не только новые сведения, крупницы того опыта и знаний, благодаря которым Кунсткамера постепенно превратилась в богатейший естественнонаучный музей, но и привнес в повседневную работу с коллекциями и предметами новые понятия и определения.

В этот период, когда усложняются иноязычные заимствования и смысловые потоки, а чуть позже «усиливается процесс семантической и стилистической дифференциации слов разного происхождения с первоначально общим значением...»¹⁵, активно развивается терминология.

Понятия *коллекция* (как специально отобранное собрание вещей), *музей* появляются в словарях только в начале XIX в., когда они становятся более употребимыми в российском культурном поле и оседают уже в словарном запасе¹⁶. Так, в словаре Н.М. Яновского

¹⁰ Лисицына Т.А. Русская языковая картина мира XVIII века... С. 254.

¹¹ Судаков Г.В. Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке... С. 335, 336.

¹² Лисицына Т.А. Русская языковая картина мира XVIII века... С. 259.

¹³ См.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1950–1983. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л., 1952; История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М., 1981.

¹⁴ См.: Ломоносов М.В. [О собирании образцов минералов. Инструкция]; Известие о сочиняемой российской минералогии // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. док-тов и мат-лов. М., 2010. С. 103–112.

¹⁵ Судаков Г.В. Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке... С. 336.

¹⁶ Все-таки пока – в пассивном словарном запасе (в «словаре» высокообразованных людей, знакомых с европейской практикой, ученых), поскольку солидный «Словарь Академии Российской» 1814 г. не содержит

«Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» коллекция трактуется как «собрание многих вещей, могущих служить к успехам наук или к удовлетворению любопытства, как то: коллекция картин, эстампов, медалей, насекомых и проч.»¹⁷ (рис. 1).

В этом же издании, пожалуй, впервые в словаре появляется слово *музей* и, что особенно примечательно, в непосредственной смысловой близости к слову *памятник*. Автор, подробно изложив историю музея города Александрия в Египте, в конце коротко сообщает: «Слово *музей* с тех пор получило пространнейший смысл и ныне употребляется, когда говорят о всяком месте, определенном для упражнения в изящных художествах и в науках и заключающем в себе собрание разных редкостей и памятников, относящихся к оным»¹⁸. Это же определение повторяет в 1834 г. П. Соколов в «Общем церковно-славяно-русском словаре». Только в 1890-х гг. в словаре Брокгауза – Ефрона музей назовут «продуктом века истории»¹⁹, а в 1905 г. в «Словаре иностранных слов и научных терминов» – «общественным [! – И. Ч.] учреждением для хранения произведений искусства, научных коллекций, образцов промышленности»²⁰.

Пожалуй, окончательное закрепление понятий *музей* и *коллекция* в словесной отечественной культуре, и в наполнении, близком современному, происходит во второй половине XIX столетия, когда они – уже зафиксированное, отчетливо проартикулированное явление культурной жизни, в сферу которого включены торговля предметами старины и художественными произведениями, выставки, критика, сами предметы наук и искусств, и их владельцы. Для первой половины века – это процесс, пока сугубо персонифицированный, имевший в восприятии человека этого времени преимущественно личностный характер, не связанный с социально-экономическим и социокультурным наполнением эпохи.

Соответственно, *личность*, вступающая в эту музейно-собираТЕЛЬскую сферу деятельности, так или иначе существующая в пространстве новых культурных форм, приобретает все более определяющее значение для выстраивания соответствующей системы. «Профессионализация и рационализация сознания формируют специалистов – новую категорию языковых личностей, едва ли не главным социальным статусным признаком которых является владение языком специальности как средством профессиональной деятельности. Изме-

Рис. 1. Титульный лист
«Нового словотолкователя...». 1803 г.

понятий *коллекция* и *музей*, а периодика и источники личного происхождения первой половины XIX столетия их практически не используют.

¹⁷ Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины [...]: в 3 ч. СПб., 1803–1806. 1805. Ч. 2. С. 271.

¹⁸ Там же. С. 871.

¹⁹ Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. XX (39), 1897. С. 112–122.

²⁰ Яновский А.Е. Словарь иностранных слов и научных терминов. СПб., 1905. С. 508.

нились практика и облик профессиональной речи... Термин выступает теперь языковым средством обеспечения эффективности профессиональной деятельности»²¹.

К концу XVIII в. выделяются не только объекты сохранения и собирательства, но определяются субъекты – специально обученные для профессиональной деятельности (и профессии) люди, *специалисты* в отдельных сферах памятнико-ведения (как бы мы обозначили сегодня), а также начинает формироваться понимание (которое постоянно трансформируется на протяжении трех столетий): что есть *музейная публика, музейный посетитель*.

Постепенно профессиональная деятельность предстает как деятельность «в сфере специального языка, основанная на знании правил сочетания Слова и Дела»²². «Слова меняют значение при пересечении границы, отделяющей социолекты от общего языка... На пути иноязыкового заимствования стоит специальный язык “интеллектуалов” (кем бы они в данную историческую эпоху ни были). Представляется априори вероятным, что существенное влияние на процесс импорта понятий оказывают установки носителей социолекта-посредника»²³. Естественно, что формирующийся слой специалистов-«интеллектуалов» оказывал непосредственное влияние на семантику оформляющейся специальной лексики в терминологии.

Так, в первом русском толковом и нормативном «Словаре Академии российской» (1789–1794) уже прописаны *архиварий* (*архивариус, письменохрани́тель*) – «имеющий в смотре́нии своем архив и содержащий оный в порядке»²⁴, и *книгохрани́тель* – тот, «кто бережет, и имеет попечение о книгах... иначе Библиотекарь»²⁵. Весьма показательно, что спустя 40 лет эта же должность будет определяться уже через заимствованное слово: «Библиотекарь – заведывающий библиотекою» (где «Библиотека – книгохранилище, собрание книг»)»²⁶.

По разным источникам рассыпаны новые для своего времени (столь новые, что пока не включенные в «Словарь Академии Российской») понятия: *археолог* в понимании «знаток древностей» (с 1804 г.) и «занимающийся этою наукою... о древностях, о произведениях древних художников и о надписях»²⁷ (в 1837 г.), *минералог(ист)*. Причем археолог – в широком понимании того наследия, на которое обращен его исследовательский взор. Например: «Все лучшие Археологи признают, что нынешний Российский язык есть только диалект или наречие Славянского», – пишет «Северный вестник» в 1804 г.²⁸

Минералог в сочинении Матвея Афонина 1771 г. употреблен в значении «специалист по минералогии» и в связи с минеральным кабинетом: «Я за полезно нахожу предложить, дабы не только... чернозем, но и прочих родов земли собираемы и разполагаемы были так, как Минералогии поступают в собирании и разположении Минеральных кабинетов»²⁹. «Спокойныя домашния размышления и приобретенныя в книгах познания не могут произвести минералогиста», – размышляют авторы в переводной статье «Минералогия» в

²¹ Лисицына Т.А. Русская языковая картина мира XVIII века... С. 256, 257.

²² Там же. С. 258.

²³ Высказывание известного лингвиста Антуана Мейе приведено в ст.: Маслов Б.П. «По закону языка нашего»: семантические заимствования как предмет истории понятий // Эволюция понятий в сфере истории русской культуры. М., 2012. С. 40.

²⁴ Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6. Ст. 51.

²⁵ Там же. Ст. 662.

²⁶ Ре [но] [фан] ц И.И. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или краткое истолкование встречающихся в них слов: военных, морских, политических, коммерческих и разных других из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны: книжка подруч. для каждого сословия, пола и возраста. СПб., 1837. С. 39.

²⁷ Там же. С. 23–24.

²⁸ Археолог (от гр. ἀρχαιολόγος, через фр. Archéologue). См.: Северный вестник [Ежемесячный журнал, изд. И.И. Мартынов]. СПб., 1804–1805. Ч. 1. С. 116.

²⁹ Минералог (от фр. minéralogue, нем. Mineralog). См.: Афонин М.И. Слово о пользе, знании, собирании и разположении чернозему, особливо в хлебопашестве. [...] М., [1771]. С. 23.

1767 г.³⁰. В этом прочитывается осознаваемая необходимость приобретения знаний и опыта для формирования **специалиста**³¹.

Так, уже не только нумисматик («монетоведец, знаток, сведущий в монетах»³²), но и нумисматограф – *лицо, описывающее древние монеты*: «В публичной библиотеке показывают многия редкия рукописи и древния медали, которых цену знают только Антиквариусы и Нумисматографы»³³.

А вот *антиквариус* (позже – *антиквариий, антикер*) – это не просто специальность, это придворный чин, включенный в «Табель о рангах»³⁴, как и *надворной библиотекарь* (рис. 2). *Антиквитетов профессор* – довольно распространенная уже в XVIII в. характеристика ученого: «Феофил Сигфрид Баер, антиквитетов профессор, древностей греческия, монеты и достопамятныя вещи ветхаго Рима изъяснит», – свидетельствуют данные об академических должностях в Академии наук от 14 января 1726 г.³⁵ Или в материалах Академии художеств находим: «Приобретенной самим господином Гейне [профессором древностей] во всем просвещенном свете славы перьваго антикера»³⁶. Или – «Антиквариий. Искусный в знании древних памятников, как-то: статуй, медалей, надписей, и проч.»³⁷.

Постепенно, на протяжении первой четверти XIX в. выкристаллизовывается такое комплексное понятие, как *эксперт* – в значении *знаток*: «Эксперт. Знаток своего дела или мастерства, назначаемый от Правительства для оценки или осмотра какого-либо произведения»³⁸.

По мнению исследователя, «в структуре массового сознания происходят существенные изменения: на первом месте оказываются воплощенные в терминах классификаторские связи и отношения»³⁹. Но лексическая картинка еще не устоялась, и при столкновении с массой новых понятий трудности в обозначении и считывании обозначаемого могут существенно различаться как у специалистов в одной области знания, так и в системе массового сознания, в повседневной практике словоупотребления.

Так, переходя в литературные тексты, новые понятия и термины часто употребляются в ироническом смысле и на протяжении почти столетия маркируют неординарные человеческие типы и зачастую ироничное отношение к ним в обществе (что также является свидетельством неустоявшихся повседневных практик). В комедии А.П. Сумарокова 1750 г. педант Бобембиус говорит: «А я профессор антиквитетов, которыя были еще до сотворения мира»⁴⁰; в сочинении И.И. Дмитриева: «Лейб-гвардии капрал, Ассесор, офицер, какой-нибудь подъячий, Иль из кунсткамеры антик в пыли ходячий»⁴¹. Неординарность такого артефакта, как *антик*, проявля-

³⁰ Переводы из Энциклопедии. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1767. Ч. 2. С. 71. (Сборник переводов из “Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers” Д. Дидро. Издатель сборника – М.М. Херасков. В числе авторов статей – Ф.М. Вольтер, Ж.Ж. Руссо, П.А. Гольбах, Л. Жокур, А.Г. Буше д’Аржи и др. Переводы: А.А. Ржевский, С.Г. Домашнев, М.М. Херасков, Н.Н. Трубецкой, Ф.А. Козловский, А.В. и С.В. Нарышкины, А.Е. Мусин-Пушкин, С.Г. Зыбелин, П.Д. Вениаминов, П.И. Погорельский).

³¹ А также первые примеры заботы государства о научном сообществе. Например, в материалах Академии наук за 1733 г. говорится о желательности устройства жительства профессоров АН в профессорских домах рядом с Академией, которым «в близости жить надлежит, например, астрономус, анатомикус и другие, которым при обсерватории, и театре анатомии, и куншт-каморе в близости быть надобно» (Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10. Т. 2. 1731–1735. С. 193).

³² Полный немецко-российской лексикон: Из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга составленный [...]. В Санктпетербурге, 1798. Ч. 2. С. 91.

³³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1797–1801. Ч. 1–6. Ч. 2. 1797. С. 233.

³⁴ Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных. М., 1722. С. 8.

³⁵ Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10. Т. 1. 1716–1730. С. 170.

³⁶ Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования. [Ч. 1]. СПб, 1864–1866. С. 237.

³⁷ Ре [но] [фан] и И.И. Карманная книжка для любителей чтения... С. 17.

³⁸ Там же. С. 293.

³⁹ Лисицына Т.А. Русская языковая картина мира XVIII века... С. 256.

⁴⁰ Сумароков А.П. Тресотиниус. Комедия // Сумароков А.П. Полн. собр. всех соч.: в стихах и прозе [...]. М., 1781–1782. Ч. 5, 1781. С. 344.

⁴¹ Антикер (от фр. Antiquaire). См.: Дмитриев И.И. Сочинения и переводы И. Д. М., 1803–1805. Ч. 1. 1803. С. 41.

ется в обозначении этим словом «необычного для данной среды» человека⁴², как, например, обозначение изобретателя Кулигина в «Грозе» А.Н. Островского, написанной уже в 1859 г.: «Ну, да ведь с тобой что толковать? Ты у нас антик, химик!»

ВОИНСКІЯ.				СТАТСКІЯ.	ПРИДВОРНЫЯ.
Сухопутныя	Гвардія	Архисекретскія	Морскія	Секретари въ надворныхъ судахъ и канцеляріяхъ и губерніяхъ.	Госб. юнкеры.
Лейптанты	Фендрики	Ундеръ лейптанты.	Ундеръ лейптанты.	Камереры при коллегіяхъ. Ратманы въ резиденціи.	надворной лекаръ.
		Лейптанты инженерскія.	Шхиперы первого ранга.	Миніи мейстеръ. Воршлы мейстеръ.	
		Фураскые поручики.		Гигкны еоръ валперъ. маркъ шидеръ.	
		Вагснъ мейстеръ.			
Ундеръ лейптанты.		Шпильбъ юнкеры.		Секретари въ провинціяхъ, механикусъ.	
Флигель адъютанты		Ундеръ лейптанты.		Послѣ мейстеры въ снѣлѣишкербурхъ, и въ ригѣ.	
при генералхъ маво-		Инженерскія.		Переводчики 3 Колетскіе. Аккуаріусъ 3 сенатскіе.	
рѣхъ				Пропокоисны 3 Колетскіе. регисраперъ 3 сенатскіе.	
				камисары при коллегіяхъ. Фискалы при надворныхъ судахъ	Надворной устанцкы.
				и губерніяхъ.	Госмисеръ патей.
				камисары въ провинціяхъ. Земскія камисары.	Госб. секретеръ.
				Ассоры въ провинціяхъ судахъ. Архиваріусъ, аккуаріусъ.	Надворной библиотекеръ.
				Регисраперъ и бухгалтеръ при коллегіяхъ.	Линикваріусъ.
				Земскія, ресни мейстеры. печнъ мейстеры, въ Москвѣ.	Надворной камериръ.
				и въ прочихъ значныхъ городѣхъ, гдѣ губерніашеры.	Надворной аудиторъ.
				Колетскіе юнкеры.	Надворной квариръ.
					мейстеръ.
					Надворной аптекаръ.
					Шмостъ еохпъ.
					Надворной цехъ мейстеръ.
					Кабанетъ куреры.
					мунѣ шнкъ.
					Кухенъ мейстеръ.
					Келлеръ мейстеръ.
					Эксерциусъ мейстеръ.
					Надворной салбиръ.

Рис. 2. Табель о рангах. 1722 г.

Вообще ироничное отношение к собирательству, древностям прослеживается во многих источниках этого времени. Отношение приезжего посетителя из провинции к сокровищам Кунсткамеры, например, в известной басне И.А. Крылова 1814 г. «Любопытный» описано так: «“Приятель дорогой, здорово! Где ты был?” – “В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил; Все видел, высмотрел; от удивленья, Поверишь ли, не станет ни умения Пересказать тебе, ни сил. Уж подлинно, что там чудес палата! Куда на выдумки природа таровата!...”»⁴³ Или, спустя четыре десятилетия, уже саркастично, выразит свое отношение Н.А. Некрасов: «Театры и дворцы, Нева и корабли, Несущие туда со всех сторон земли Затеи роскоши; музеи просвещенья, Музеи древностей – “все признаки ученья”. В том городе найдешь; нет одного: души!»⁴⁴ Но это будет уже о новых культурных реалиях, сформированных на протяжении первой половины XIX столетия.

Кстати, И.А. Крылов был человеком, имеющим практический опыт работы с «древностями». Будучи на протяжении 30 лет, с 1812 г. по 1841 г., библиотекарем Русского отделения Императорской публичной библиотеки, он собирал и описывал фонды, много сделал для каталогизации книжных памятников (составил «Каталог Российским книгам в Императорской Публичной библиотеке находящимся», предложил структуру каталогов), разработал шифровку и усовершенствовал систему хранения изданий. «Я вот уже так здесь привык, –

⁴² Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков. Оренбург, 1998. С. 16.

⁴³ Крылов И.А. Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1946. Т. 3: Басни, стихотворения, письма и деловые бумаги. Кн. 4. С. 95.

⁴⁴ Некрасов Н.А. Дружеская переписка Москвы с Петербургом // Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1981. Т. 2: Стихотворения 1855–1866. С. 52–53.

говорил Крылов о своей работе в библиотеке, – что почитаю для себя забавою, игрушкою наклеивать да переклеивать буквы на книгах; что другому покажется тяжело. Я своей должности ни на какую не променяю...»⁴⁵. При этом он сам слыл «чудаком», становился героем многочисленных анекдотов, один из которых был запечатлен художниками А.А. Агиным⁴⁶ и П.Ф. Борелем (рис. 3). Отметим, что такое ироничное отношение к «любителям древностей» прослеживается не только в письменных, но и в изобразительных источниках XIX в. – в многочисленных карикатурах, жанровых сюжетах на темы «антикварий», «знаток», «любитель» и т.п. (рис. 4).

Рис. 3. Из жизни замечательных русских людей. Эпизод из жизни Крылова. Рис. П.Ф. Бореля («Всемирная иллюстрация», 14 января 1884 г.).

Все вышеназванные слова – заимствования. «Нарушение привычных смысловых связей ... уменьшает управляемость терминами со стороны принимающего языка (русского): термины в значительной степени становятся внедренными элементами влияния иных языковых систем. Термины большинства отраслей научного знания – это чужие знаки, элементы инородных знаковых систем»⁴⁷. Отсюда – ирония, определенное занижение значимости в их восприятии. Отсюда же – и весьма показательный для периода становления нового отношения к наследию, памяти, предмету старины факт использования – и длительного применения – славянских слов, а не латинских заимствований. При том, что происходит процесс ограничения функций «книжнославянской архаики, активизируется отбор жизнеспособных славянизмов»⁴⁸. Например, слово *вещь* и многие производные от него практически покрывают весь спектр понятий, связанный с наследием. Так, *вещелюбец* – это не только человек, «склонный к стяжанию вещей»⁴⁹, как представляет «Словарь Академии Российской», но также и любо-

⁴⁵ Цит. по: Голубева О.Д. Хранители мудрости. М., 1988. С. 147.

⁴⁶ См.: Как Иван Андреевич ушатом поливал одну дорогую книгу и по какому случаю // [Григорович Д.В.] Дедушка Крылов: Книга для подарка детям; с портретом Крылова и картинками, изображающими сцены из его жизни. СПб., 1845. С. 61–64.

⁴⁷ Лисицына Т.А. Русская языковая картина мира XVIII века... С. 257.

⁴⁸ Судаков Г.В. Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке... С. 335.

⁴⁹ Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 1–6. Ч. 1. Ст. 674.

знательный, любопытный человек (φιλοπράγμων)⁵⁰ (видимо, очень похожий на героя басни И.А. Крылова – «Любопытный»), а вещелюбно – значит «куриозно, любопытно, диковинно», как пишет Н.Г. Курганов в «Словаре разноречия»⁵¹.

Что касается **публики**, субъекта начинавшей выкристаллизовываться коммуникации, то самые первые музейные «стратегии» взаимодействия с нею – это хорошо известные распоряжения Петра I относительно Петербургской Кунсткамеры: «впредь всякого **желающего** оную смотреть, пускать и водить, показывая и изъясняя вещи»⁵², причем бесплатно. При этом «сначала угощали публику при осматривании Кабинета разными напитками и пр., дабы тем произвести полезное внимание на произведения естества [анатомические препараты]»⁵³.

Динамика изменений составляющих эту дихотомию понятий (оппозиционно-рефлексивную): *музей* и *публика* – на протяжении трехсот лет в целом совпадает, иногда они сосуществуют абсолютно параллельно, иногда пересекаются и смыкаются. Терминология эти затейливые пути, а также социокультурные реалии, контекст очень четко отражает.

Да, XVIII – начало XIX в. – это время «закрытого» коллекционирования, когда музей существует преимущественно в форме элитного клуба для избранных. Поэтому речь не идет о публике, которая практически не упоминается в источниках, а в основном определяется как *некто, желающий ознакомиться*: «Один день назначить в неделе, чтобы **желающим** показывать к их удовольствию в присутствии члена Палаты» достопримечательности Оружейной палаты, как об этом пишет Аргамаков в 1755 г.⁵⁴, или, в лучшем случае *желающих сограждане, приематели, любители и знатоки*, как это оговорено в «Правилах», составленных в 1782 г. Ф.Н. Кличкой для Иркутской Книгохранильницы: «Из находящихся ныне естественных произведений и впредь вступаемых, никому ничто в дом не дается и довольствуются любители и знатоки единственным смотрением в книгохранильнице»⁵⁵.

С началом XIX в. формируется понимание того, что кроме коллекционера и коллекций существует другая составляющая процесса освоения наследия – зрители, а культура получает набор определений, пытающихся как-то маркировать то, пока вполне аморфное

Рис. 4. Любитель. Худ. И.М. Прянишников. 1860-е гг. ГРМ.

⁵⁰ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 3, 1987. С. 96.

⁵¹ Курганов Н.Г. Словарь разноречия, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке // Писмовник, содержащий в себе науку российского языка [...]. СПб., 1790. Ч. 2. С. 241.

⁵² Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 24.

⁵³ Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1794–1796. Ч. 1–3. С. 393.

⁵⁴ Аргамаков А.М. [Проект преобразования Оружейной палаты] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 80–83.

⁵⁵ Кличка Ф.Н. [Об устройстве музея в Иркутске] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 141.

явление, которое примерно с 1820-х гг. начинают именовать *публикой*. Ф.П. Аделунг в своих «Предложениях об учреждении Русского национального музея» (1817), в разделе с замечательным подзаголовком «Употребление Музея», возможно, впервые использует слово *посетитель* и сегментирует аудиторию: «Надлежало бы открывать Музей по два раза в неделю для **публики**, и позволять в сии дни вход в оный всякому порядочно одетому человеку. При особенных случаях, например, для посещений **путешественников**, можно открывать оный во всякое время. В назначенные дни Смотрители разных отделений должны провожать посетителей по залам, и давать требуемые пояснения при всякой вещи, которая недовольно подробно истолкована в приложенном описании. **Ученым и Художникам** позволено будет в самом заведении, при Смотрителях, делать выписки из книг и рукописей»⁵⁶ (рис. 5).

Рис. 5. Выставка художественных произведений и редких вещей в Императорской Академии художеств. 1851 г. (из «Русского художественного листка», № 11).

Далее мы наблюдаем целый веер определений, в которых – и радость за музей, обретший такое сочувствующее множество, и некоторая растерянность, поскольку с этим множеством надо что-то делать, его надо организовывать, налаживать отношения, выстраивать движение навстречу друг другу. Б.Г. Вихман говорит о *любопытном патриоте и россияине*⁵⁷ («Российский Отечественный музей», 1821), Зан Тамаш – о *посетителях из народа*: «не только **учащиеся и грамотные, но простой пахарь, заводчик и ремесленник, купец и работник** будут иметь близкую и ничего не стоящую способность увидеть в областном

⁵⁶ Аделунг Ф.П. Предложение об учреждении Русаго Национального Музея // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 181.

⁵⁷ Вихман Б.Г. Российский отечественный музей // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 184–199.

своем городе собранные в одно место предметы края своего, имеющие тесную связь с его намерениями, трудами и благосостоянием»⁵⁸ (1830). Для людей всякого звания, для художников, имущих и неимущих, слушателей университета, театральных артистов, декораторов и костюмеров предназначается музей З.А. Волконской⁵⁹ (1831), для просвещенной публики⁶⁰ – галерея Е.Д. Тюриня (1851). На жителей провинциального города и, особенно, на воспитанников гимназии обращает свое внимание К.М. Бэр, размышляя о создании музея в Астрахани⁶¹ (1856), о местном населении⁶² говорит В.В. Докучаев в Проекте Устава Земского губернского музея 1882 г., и следом за ним – организаторы музеев в провинциальной России в конце XIX в. Например, А.П. Боголюбов, который в 1881 г. сетовал, что «кроме Москвы, в других больших городах России как Киев, Харьков, Одесса нет положительно ничего; ни жители, наиболее образованные этих мест, ни учащаяся в университетах молодежь ничего не видят...»⁶³.

Эти лексические вариации свидетельствуют не только о постепенной демократизации отечественного музейного дела, но также о начале его коммуникационного этапа, о времени поиска диалогичности, совместных языковых норм и приемлемых форм взаимоотношений, того этапа, который в принципе не завершаем и, по сути, продолжается в настоящее время.

Литература

Афонин М.И. Слово о пользе, знании, собирании и расположении чернозему, особливо в хлебопашестве / в публич. собр. Имп. Моск. ун-та в высочайший день рождения ее имп. величества всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всерос., говоренное оноюж Ун-та истории натурал. экстраординар. профессором Матвеем Афониным, апр. 22 дня 1771 г. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, [1771].

Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго, с планом. СПб., 1794–1796. Ч. 1–3.

Голубева О.Д. Хранители мудрости. М.: Кн. палата, 1988.

[Григоревич Д.В.] Дедушка Крылов: Книга для подарка детям; с портретом Крылова и картинками, изображающими сцены из его жизни / (Картинки рисованы г. Агиным, литографированы во французской литографии Поля Пети). СПб.: [тип. К. Крайя], 1845.

Дмитриев И.И. Сочинения и переводы И. Д. М., 1803–1805. Ч. 1. 1803.

Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков / сост. Л.А. Глинка. Оренбург, 1998.

История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / [Е.Т. Черкасова, К.П. Смолина, Е.С. Копорская; предисл. Ф.П. Филина]. М.: Наука, 1981.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Университетская типография, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797–1801. Ч. 1–6.

Крылов И.А. Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1946. Т. 3: Басни, стихотворения, письма и деловые бумаги. Кн. 4.

Курганов Н.Г. Словарь разноречной, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке // Писмовник, содержащий в себе науку российского языка: Со многим присовокуплением разнаго учеб-

⁵⁸ Зан Т. О методах и способах создания предполагаемого Музеума в Оренбурге // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 229.

⁵⁹ Волконская З.А. Проект Эстетического музея при Императорском Московском университете // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 231–240.

⁶⁰ Тюрин Е.Д. Объяснение об основании Публичной картинной галереи в Москве (1854) // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 252–261.

⁶¹ Бэр К.М. Нечто об изучении естественных произведений своего отечества. Музей в Астрахани (1857) // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 264–268.

⁶² Докучаев В.В. Земский губернский музей (Проект Устава) (1882) // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 324–327.

⁶³ Боголюбов А.П. [Проект об устройстве художественно-промышленных музеев в провинции] (1881) // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков... С. 317.

наго и полезнозабавнаго вещесловия. 4-е изд. / Вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части, профессором и кавалером Николаем Кургановым. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1790. Ч. 1–2.

Лисицына Т.А. Русская языковая картина мира XVIII века и термин с позиций социологии языка и познания // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: сб. науч. тр. памяти З.М. Петровой (к 85-летию со дня рождения) / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистич. исслед. СПб.: Наука, 2007.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1950–1983. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л., 1952.

Маслов Б.П. «По закону языка нашего»: семантические заимствования как предмет истории понятий // Эволюция понятий в сфере истории русской культуры / отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. М., 2012.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1885–1900. Т. 1–10.

Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. док-тов и мат-лов / колл. авт. / отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 2010.

Некрасов Н.А. Дружеская переписка Москвы с Петербургом // Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1981. Т. 2. Стихотворения 1855–1866.

Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: [Документы]: Хрестоматия / авт.-сост. Л.В. Карпова, Н.А. Потапова, Т.П. Сухман. М., 2000. Т. 1: [1680–1949 гг.].

Переводы из Энциклопедии. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1767. Ч. 1–2.

Полный немецко-русский лексикон: Из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга составленный: с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; Издано Обществом ученых людей. В Санкт-Петербурге: печатан в Императорской типографии, у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 1: А–L [Текст]. Ч. 2: М–Z [Текст].

Ре [но] [фан] ц И.И. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или краткое истолкование встречающихся в них слов: военных, морских, политических, коммерческих и разных других из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны: книжка подруч. для каждого сословия, пола и возраста / сост. Иван Ре..ф..ц. СПб., 1837.

Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования / изд. под ред. П.Н. Петрова и с его примеч. СПб., 1864–1866. [Ч. 1].

Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 1–6.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.: [редкол.: Ю.С. Сорокин и др.]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2019. Вып. 1–22.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии. М.; Л., 1953.

Судаков Г.В. Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: сб. науч. тр. памяти З.М. Петровой (к 85-летию со дня рождения) / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистич. исслед. СПб.: Наука, 2007. С. 331–341.

Сумароков А.П. Тресотиниус. Комедия. Зачата 12 генваря 1750, окончана генваря 13 1750 // *Сумароков А.П.* Полн. собр. всех соч.: В стихах и прозе, покойнаго действительнаго статскаго советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго ученаго собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольнаго Российскаго собрания при Имп. Московском университете. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781–1782. Ч. 5. 1781. С. 333–364.

Сухман Т.П. Предисловие // Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: [Документы]: Хрестоматия / авт.-сост. Л.В. Карпова, Н.А. Потапова, Т.П. Сухман. М., 2000. Т. 1: [1680–1949 гг.]. С. 5.

Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных. М., 1722.

Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890–1907.

Яновский А.Е. Словарь иностранных слов и научных терминов. СПб., 1905.

Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины...: в 3 ч. СПб.: Тип. Акад. наук, 1803–1806.

Plokhotnyuk V., Mitrofanenko L. Semiotic models in museum communication // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. VEDECKÝ RECENZOVANÝ ČASOPIS / Comenius University in Bratislava. 2018. Vol. 6. No. 1. P. 21–32.

References

Afonin, M.I. (1771). *Slovo o pol'ze, znanii, sobiranii i raspolozhenii chernozemu, osoblivo v khlebopashestve* [The word on the benefits, knowledge, gathering and the location of the black earth, especially in arable farming]. Moscow, Tip. Imp. Mosk. un-ta.

Brokgauz F., Efron I. (1890–1907). *E'ntsiklopedicheskiy slovar': v 86 tomakh* [Encyclopedic dictionary: In 86 vols.]. St. Petersburg.

Cherkasova, E., Smolina, K., Koporskaya, E. (1981). *Istoriya leksiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVII – nachala XIX veka* [The history of the vocabulary of the Russian literary language of the late 17th – early 19th century]. Moscow, Nauka.

Dmitriev, I. (1803–1805). *Sochineniya i perevody I. D.* [Works and translations by I. D.]. Moscow, pt. 1.

Georgi, I. (1794–1796). *Opisaniye rossiysko-imperatorskago stolichnago goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostey v okrestnostyakh onago, s planom* [Description of the Russian-imperial capital city of St. Petersburg and the landmarks in the vicinity of it, with a plan]. St. Petersburg, pt. 1–3.

Golubeva, O. (1988). *Khraniteli mudrosti* [Guardians of Wisdom]. Moscow.

[Grigorovich, D.] (1845). *Dedushka Kry'lov: Kniga dlya podarka detyam; s portretom Kry'lova i kartinkami, izobrazhayushchimi stseny iz ego zhizni* [Grandfather Krylov: A book for a gift to children; with a portrait of Krylov and pictures depicting scenes from his life]. St. Petersburg, tip. K. Kraya.

Glinkina, L. (Ed.). (1998). *Illyustrirovannyy slovar' zabytykh i trudnykh slov iz proizvedeniy russkoy literatury XVIII–XIX vekov* [Illustrated dictionary of forgotten and difficult words from the works of Russian literature of the 18th–19th centuries]. Orenburg.

Karamzin, N. (1797–1801). *Pisma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Moscow, pt. 1–6.

Krylov, I. (1946). *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 tomakh* [Complete works: in 3 vol.]. Moscow.

Kurganov, N. (1790). *Slovar' raznoyazychnoy, ili tolkovaniye evreyskikh, grecheskikh, latinskikh, frantsuzskikh, nemetskikh i prochikh inozemskikh upotrebyaemykh v russkom yazyke* [Dictionary of multilingual, or interpretation of Hebrew, Greek, Latin, French, German and other foreign languages used in the Russian language]. In *Pismovnik, sodержashchiy v sebe nauku rossiyskogo yazyka* [Pismovnik, containing the science of the Russian language]. St. Petersburg, pt. 1–2.

Lisitsina, T. (2007). *Russkaya yazykovaya kartina mira XVIII veka i termin s pozitsiy sotsiologii yazyka i poznaniya* [The Russian Language picture of the World of the 18th century and the term from the standpoint of the sociology of language and cognition]. In *Edinym pismen upotrebleniem pamyati podkreplyaetsya vechnost'* [A single written by consumption of memory is supported by eternity]. St. Petersburg, Nauka.

Lomonosov, M.V. (1952). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 11 tomakh. Tom 7. Trudy po filologii* [Complete collection of works: In 11 Vols. Vol. 7. Works on Philology]. Moscow; Leningrad.

Maslov, B. (2012). *“Po zakonu yazyka nashego”: semanticheskiye zaimstvovaniya kak predmet istorii ponyatiy* [“According to the Law of our Language”: semantic borrowings as a subject of the history of concepts]. In *Evolutsiya ponyatiy v sfere istorii russkoy kul'tury* [Evolution of Concepts in the field of the History of Russian culture]. Moscow.

(1885–1900). *Materialy dlya istorii Imperatorskoy akademii nauk* [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg. Vol. 1–10.

Nekrasov, N. (1981). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 15 tomakh* [Complete works and letters: in 15 vols.]. Leningrad. Vol. 2.

(2000). *Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii XVII–XX vv.: Khrestomatiya. T. 1.* [Protection of the cultural heritage of Russia of the 17th–20th centuries: Anthology. Vol. 1]. Moscow.

(1767). *Perevody iz Entsiklopedii* [Translations from the Encyclopedia]. [Moscow]. Pt. 1–2.

Plokhotnyuk, V., Mitrofanenko, L. (2018). Semiotic models in museum communication. In *Muzeológia a kultúrne dedičstvo. VEDECKÝ RECENZOVANÝ ČASOPIS / Comenius University in Bratislava*. Vol. 6. No. 1, pp. 21–32.

(1798). *Polnyy nemetsko-rossiyskoy leksikon* [Full German-Russian lexicon]. Moscow. Pt. 1: A–L [Text], pt. 2: M–Z [Text].

Re [no] [fan]z, I. (1837). *Karmannaya knizhka dlya lyubiteley chteniya russkikh knig, gazet i zhurnalov ili kratkoe istolkovaniye vstrechayushchikhsya v nikh slov...* [Pocket book for those who like to read Russian books, newspapers and magazines, or a brief interpretation of the words found in them...]. St. Petersburg.

(1864–1866). *Sbornik materialov dlya istorii Imp. S.-Peterburgskoy akademii khudozhestv za sto let ee sushhestvovaniya* [Collection of materials for the history of the St. Petersburg Academy of Arts for one hundred years of its existence]. St. Petersburg, [pt. 1].

(1789–1794). *Slovar' Akademii Rossiyskoy Ch. 1–6* [Dictionary of the Russian Academy of Sciences. Volume 1–6]. St. Petersburg, pt. 1–6.

(1984–2019). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad. Iss. 1–22.

Shulepova, E.A. et al.(Ed.) (2010). *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: Sbornik dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: Collection of documents and materials]. Moscow.

Stanukovich, T. (1953). *Kunstkamera Peterburgskoy akademii nauk* [Kunstkamera of the St. Petersburg Academy of Sciences]. Moscow; Leningrad.

Sudakov, G. (2007). Problema periodizatsii istorii russkogo slova i yazykovaya situatsiya v XVIII veke [The problem of periodization of the history of the Russian Word and the language situation in the 18th century]. In “*Edinym pismen upotrebleniem pamyati podkreplyaetsya vechnost*”. St. Petersburg, pp. 331–341.

Sumarokov, A. (1781). Tresotinius. Komediya [Tresotinius. Comedy]. In *Polnoye sobraniye vseh sochineniy*. Moscow, pt. 5, pp. 333–364.

Sukhman, T.P. (2000). Predislovie [Preface]. In *Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii XVII–XX vv.: Khrestomatiya. Vol. 1.* Moscow, p. 5.

(1722). *Tabel' o rangakh vseh chinov, voinskikh, statskikh, i pridvornnykh* [Table of ranks of all ranks, military, state, and court]. Moscow.

Yanovskiy, A. (1905). *Slovar' inostrannykh slov i nauchnykh terminov* [Dictionary of Foreign words and scientific terms]. St. Petersburg.

Yanovskiy, N. (1803–1806). *Novyy slovotolkovatel', raspolozhennyy po alfavitu* [A new word interpreter arranged in alphabetical order]. St. Petersburg, in 3 pt.

Статья поступила в редакцию 31.01.2021 г.